

ОКРАИНА

№10

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

«Окраина»

**«Окраина» - наш заповедный край,
Там, где пасутся наши души,
Где наша радость льется через край,
Но и печаль подчас их сушит.**

**С тобою мы переживаем вновь
Свои часы и дни рожденья,
Младенчество, отрочество, любовь,
Падения, пути и достиженья.**

**Здесь наши раскрываются сердца,
Как от лучей живительных бутонь.
Теперь мы с нею будем до конца,
А с нами скоро будут миллионы!**

**Всего 5 экземпляров «Окраины» можно купить
в магазинах «Дом книги», «APC-music»
(Советский, 51), «Библиосфера» по цене 10(!)
рублей! Спешите! (Или покупайте по 30 р...)**

ОКРАИНА

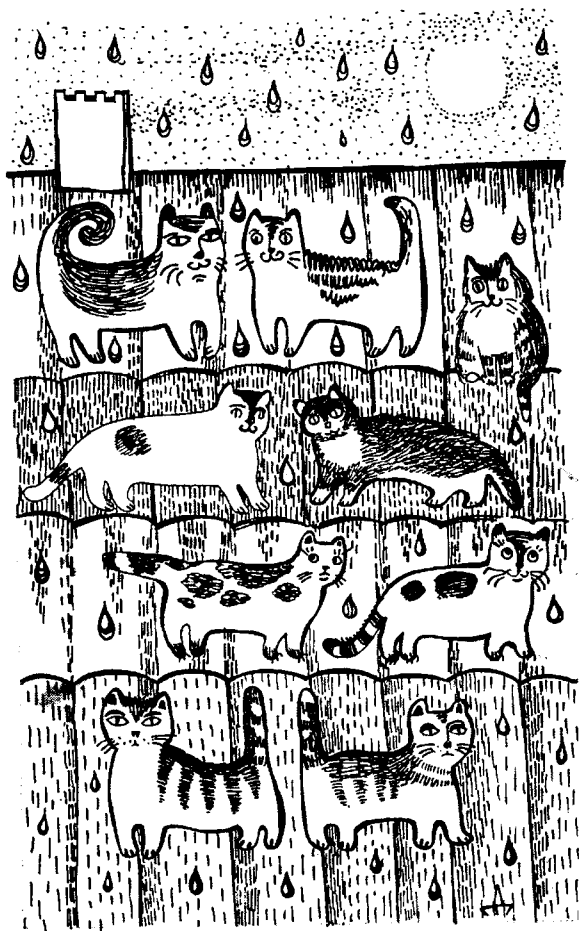
*Издание
Череповецкого
литературного
объединения*

№10

Череповец
Окраина
2004

Содержание:

Николай Кузнецов.....	0
Николай Рассохин.....	10
Мария Куликова.....	20
Петр Баронов.....	20
Валентин Шагинов.....	21
Надежда Липина.....	21
Мария Бурцева.....	22
Зоя Марченко.....	22
Анна Казакова.....	23
Татьяна Медникова.....	23
Аглая Панфилова.....	24
Алексей Веселов.....	25
Галина Ончурова.....	25
Павел Шилов.....	26
Тамара Носова.....	26
Алена Родина.....	27
Александр Кругликов.....	27
Е.Бадяй.....	28
Наталья Тишкина.....	29
Светлана Чеблокова.....	29
Николай Хохряков.....	30
Омаха.....	30
Евгений Шалашов.....	32
Виктор Кичкарев.....	39
Альфред Хохряков.....	40
Дмитрий Кайнаров.....	41
Николай Кузнецов.....	44
Татьяна Ржанникова.....	46
Дария Березкина.....	47
Николай Кузнецов.....	49
Геля Ванькова.....	52
Алексей Анисимов.....	53
Александр Пошехонов.....	53
Вениамин Гумаров.....	54

**МАРТ
2004**

ЧТО БЫЛО, ЧТО БУДЕТ...

Череповецкая литература: отчет о деятельности.

- ✓ 4 марта. Заседание литературного объединения, посвященное 8 марта.
- ✓ 13 марта. Центральная библиотека. Творческий вечер Валентины Боровицкой.
- ✓ 16 марта. 14.00. Дом ветеранов. Творческий вечер Галины Констанской.
- ✓ 16 марта. 16.00. Презентация девятого номера «Окраины». Презентация поэтического сборника Игоря Эпанаева «Лирика».
- ✓ 17 марта. Продолжение презентации. Библиотека №7. Выступление Александра Непомнящего.
- ✓ 18 марта. Дом здоровья, Верещагина, 13а. Просмотр фильма о В.М.Хлебове, составленного из видеозаписей его выступлений на творческих вечерах (в частности, с вручением билетов членам Союза писателей).
- ✓ 18 марта. Заседание литературного объединения. Слушали Игоря Смирнова, Николая Степанова и др.
- ✓ 20 марта. Центральная библиотека. Творческий вечер Сергея Дмитриева. «Международный день поэзии был отмечен в Череповце 20 марта...» далее: стр. 52)
- ✓ 24 марта. Детский дом №7. Еще один творческий вечер Галины Констанской
- ✓ 25 марта. 14.00. Выступление литературно-музыкального салона «Гелиос».
- ✓ Март. Конкурс чтецов, проводимый Управлением образования и ДДЮТ.
- ✓ Март. ДДЮТ. Научная конференция школьников «Первые шаги в науке».
- ✓ 27 марта. 10.00. Выход десятого номера «Окраины».
- ✓ 18 апреля. 12.00. ДДЮТ. Презентация книги Веры Громовой «Сонеты».
- ✓ 24 апреля. Хантоново. Первая очередь регулярного партнерного газона.

4 марта

Строителей, 30. Внеплановое заседание Череповецкого литературного объединения, посвященное празднику 8 марта. Проходило в соответствующей обстановке. Выступали: Валерий Анохин, Сергей Бондаренко, Наталья Якшина (оба – Тоншалово), Николай Кузнецов, Тамара Синицына, Галина Констанская, Павел Шилов, Александр Кругликов и, конечно же, Нинель Николина. Было весело.

13 марта

Вечер Валентины Боровицкой в Центральной библиотеке. Новая книга, посвященная Тютчеву. Творчество этого автора, живущего сейчас в Москве, хорошо известно в Череповце, а Камерный театр ставил спектакль по ее произведению. Кстати, вопреки распространенной версии, Валентина Боровицкая родилась не в Бабаевском районе, а в Белозерском – в деревне Конево, и является землячкой череповецкой поэтессы Галины Констанской.

16 марта

Творческий вечер Галины Констанской. В последнее время ее выступления стали особенно частыми. Она выступала в декабре в Центральной библиотеке. 24 марта – ее выступление в детском доме №7. Это не считая по мелочам...

16 марта

Презентация девятого номера «Окраины». Молодежная библиотека. Презентация поэтического сборника Игоря Эпанаева «Лирика». Несмотря на присутствие телевидения, нездорового ажиотажа не было. Ожидался рок-бард из Иванова Александр Непомнящий, но тот не смог приехать – подвели дороги (он приехал на другой день и выступал в библиотеке №7, на ул. Архангельской). Но, несмотря на это, все прошло культурно и как-то даже радостно. Выступали: Галина Ончурова, Игорь Эпанаев, Виктор Кичкарев, Надежда Липина, Анна Казакова, Маргарита Проворова, Владимир Чащин, Павел Широглазов, Игорь Осминкин, Николай Кузнецов и многие другие. А специально для Игоря Эпанаева, по поводу его сборника,

Маргарита Проворова прочитала следующее стихотворение:

* * *

На слоне иллюзорном
Виден весь небосклон.
Между синим и черным
Игорь стал невесом.
Его стихи бросают в дрожь
Иных старых поэтов,
Но его любит молодежь
И слушает при этом.
Нет, он не вельможа,
Всем он друг и брат!
Без Слона не может
Он стихи писать.
Пусть стихи дадут по рожу
Некоторым, словно бич!
Но стихи писать он может,
А стихи – как жизни клич!
А вдохновенье его где?
Под Слоном иль на Слоне!

Вот так вот...

18 марта

Заседание литературного объединения. Слушали Игоря Смирнова и Николая Степанова. Игорь Смирнов посещал литобъединение в 80-е годы, но потом, по некоторым причинам, не смог там появляться. И вот в этот день пришел снова. Принес рассказ «Heimatort revisited». Как утверждает сам автор – основные герои его произведений – это неудачники, ищущие свой путь в жизни, непризнанные и непонятые.

Николай Степанов - еще больший долгожитель. Он утверждает, что помнит лито аж с 1969 года! Произведения Николая Степанова читались по городскому радио в День города прошедшей осенью. Николай Николаевич призывает чтить историю родного города, что отражено в тематике его стихов.

Кроме того, выступали: Галина Констанская, Игорь Эпанав, Николай Кузнецов, Маргарита Проворова и др. Заседание проходило живо и интересно. В дальнейшем подобная форма заседаний (когда-то, кстати, бывшая классической), а именно: разбор творчества одного автора, с небольшими дополнениями других, будет взята за основу.

25 марта

Выступление литературно-музыкального салона «Гелиос». По словам Алены Родиной, отбор участников стал более жестким, что должно сказаться на уровне выступлений. В целом, так оно и есть. Выступали: Дмитрий Калашников, Анна Казакова, Давид Левкин, Игорь Осминкин, Анна Густы, Макс Борисов, Николай Васильев, Игорь Эпанаев и др.

Так как выступление было посвящено 1 апреля, то много шутили. Но не все. Складывалось впечатление, что «праздник дураков» касается не всех. Особо надо отметить проблему перехода на летнее время (в ночь с 24 на 25). Кое-кто, в том числе и выступающие, опоздали из-за этого на целый час! Ну что ж, и такое бывает... Из отзывов зрителей наиболее запомнилось следующее: «Кони сытые бьют копытами... Но почему-то нет коней в яблоках».

Дом детского и юношеского творчества

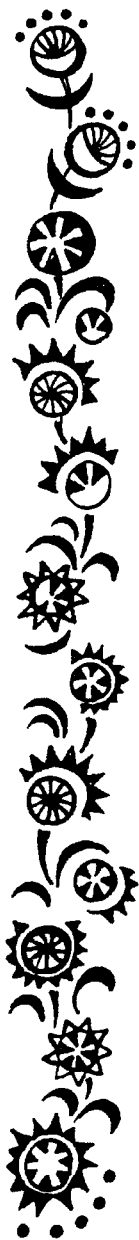
В марте в ДДЮТ прошли два таких важных события как конкурс чтецов и школьная научная конференция.

Первое проводилось совместно управлением образования мэрии и ДДЮТ.

По словам В.Д.Чусовой, заведующей литературного музея ДДЮТ, никогда уровень участников не был так высок. Всего было около двухсот чтецов. Что примечательно, порадовало не только непосредственное мастерство чтения, но и выбор текстов, культура одежды, манера держаться. Видно, что культурный уровень растет.

Школьная научная конференция «Первые шаги в науке», собственно, началась еще зимой, но кульминации своей достигла только в марте. Непосредственно в литературном музее проходили выступления литературоведческой и краеведческой секций. Участники – учащиеся 8-11 классов. Тема работ – от Чехова до Пелевина. В краеведческой секции также были работы, посвященные А.Яшину. Особо отличились учащиеся женской гимназии.

Значение таких конференций в том, что они прививают культуру научного исследования школьникам, дают им возможность для серьезной работы и серьезных успехов. К тому же они помогают выявить талантливую молодежь на более раннем этапе, чем это принято в вузовской практике научных исследований. Можно говорить, что эта конференция – очень важный этап в подготовке научных кадров в нашей области.

Хантоново

Батюшковское общество готовится к вводу в Хантонове 1-й очереди регулярного партерного газона. Благоустройством территории будут заниматься участники секций ДДЮТ, а также учащиеся ТУ-38, ВПУ-2, студенты-биологи ЧГУ, учащиеся Мяксинской школы. Предположительно выезд намечается на **24 апреля**. В конце мая, к традиционному празднику, посвященному памяти К.Н.Батюшкова, работы должны быть закончены.

Следует отметить роль в этом деле В.Д.Чусовой, которая, и уйдя с поста руководителя Батюшковского общества, продолжает оставаться его душой и мерилom ценностей.

11 марта состоялось заседание комиссии по увековечению памяти исторических событий, деятельности выдающихся личностей по вопросу установления памятной доски с барельефом писателя Хлебова Вячеслава Михайловича. В составе комиссии были: А.М.Акишин (зам. мэра), С.Ю.Шахомиров (начальник управления культуры), В.М.Комашко (директор МУК «Дирекция историко-культурного наследия»), Н.В.Печников (начальник управления образования мэрии), Т.И.Сергеева (директор МУК «Череповецкое музейное объединение»), В.В.Токарев (зам.начальника департамента ЖКХ мэрии), А.В.Чернов (директор Гуманитарного института).

Решили:

Шахомирову С.Ю. провести совещание, пригласив заинтересованных людей, сделать стенд в Центральной библиотеке о творчестве Хлебова В.М. (портрет, литературное наследие, информационный материал).

Сергеевой Т.И. подготовить в музее экспозицию, посвященную В.М.Хлебову.

Чернову А.В. предложить студентам филологического и художественно-графического факультетов ЧГУ совместно с членами литературного объединения подготовить сборник произведений В.М.Хлебова.

Булатову В.Е. оказать социальную поддержку вдове В.М.Хлебова.

Р.С. Вопрос о мемориальной доске решить пока не удалось, т.к. срок, установленный Городской Думой для поднятия таких вопросов – не менее пяти лет со смерти. Но законом не запрещено вывешивать мемориальную доску на доме, находящемся в частной собственности. Поэтому пока решено ограничиться доской на доме В.М.Хлебова в д. Остров Шекснинского района.

**НИКОЛАЙ
РАССОХИН**

РАССОХИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

- ✓ Родился в 1940 г. в деревне Теплая Гора Великоустюгского района Вологодской области;
- ✓ Работал в колхозе, учился, служил в Советской армии, закончил Ленинградский госуниверситет.
- ✓ 17 лет работал журналистом в Череповце, 5 лет учительствовал, 16 лет плотничал.
- ✓ Большой жизненный опыт позволил ему отражать жизнь в богатом разнообразии. Во все периоды жизни свои впечатления обобщал в слове.
- ✓ Активную православную позицию Николай Александрович принял как наследство от предков и по возможности удерживает ее в меру сил. Эта позиция принесла ему немало страданий, а отрада вылилась в творчестве. Служение Богу и ближним всегда обозначено страданием – это естественно и, в результате, прекрасно.
- ✓ Автор четырех поэтических сборников. 33 года живет в Череповце.

Поэзия Николая Рассохина удивительна тем, что он находит ту тонкую линию между православием и фарисейством, которую, к сожалению, многие не видят. Его стихи в подлинном смысле – духовные, потому что обращены не только к Небу, но и к Земле.

Мы как-то забываем, что Земля – это Божье творение, и все что на ней происходит одухотворено изначально. Нетрудно узреть Бога на Небесах, но трудно на Земле. Это-то и делает автор. Он показывает высший смысл в казалось бы обыденном и знакомом. Небо он познает через Землю, ибо только так туда может попасть человек: проживя жизнь земную по-небесному.

Н.В.Кузнецов

Божья воля

Помолимся, берясь за ржавый плуг.
Насущный хлеб – благодеянье свыше.
Как опыт предков – проторенный круг
Мы повторяем, радуемся, дышим.
Избранники великих фарисейств
Сочувствуют израненной державе.
Истратили отборные слова
В мечтах о полновесном урожае.
Отцы любви – наставники души,
Благословясь, священствуют в буфетах.
А замыслы бессмертного Левши
В пределах Хама, Сима и Яфета.
А Отче наш еси на небеси
Не внемлет раздраженьям и угрозам.
Солдатский строй бесчисленных осин
Вершины с шумом греет по покосам.
Прими мой труд на пользу бытия.
И радость ближним ляжет к изголовью.
Пусть воля вековечная Твоя
На этом поле властвует с любовью!

Труд

Сегодня снова плотничаем мы.
В гостином доме промерзают стены.
Дано задание – холод здесь рассеять.
Добро и красота всегда правы.
Доска к доске становится в обнимку,
Пронизываются мыслями гвоздей.
И нет иных возвышенных властей
Привычному простому поединку.
Тут каждый шов как будто стык костей
Под комариным носом подрезаем,
И словно новый мир мы создаем
Для добрых и неведомых людей.
И серый день наполненный отрадой
Всего крючок в журнале бытия.
И пусть никто не вспомнит про тебя.
Очаг любви уже тебе – награда.

Подвижникам вологодским и устюжским

Икону древлего письма
Я целовал, склонясь убого.
Шептал псалмы напевным слогом,
И жаром наполнились уста.
Прости, подвижник преподобный –
Учитель светлых дивных дней!..
Нам души подменил во тьме
Наперстник мстительный и злобный.
И положительный пример
Нам показался горькой шуткой.
Со скоморошьем, прибауткой
Летим в мороз небесных сфер.
Паденья первобытный страх
Объял и сытых, и влюбленных...
Гордыни грех преодоленный
К служенью избранных возвах.
И вострепнулся птичьим пеньем
Весенним вырубленный лес...
Талант и честь несет на крест
Народ, воскресший из забвенья.

Тезоименитство

Николай Чудотворец,
Господи спаси!
Ничего для нас у Бога
В тайне не проси.
Широки пути Господни
Мерой и числом:
Каждый месяц длится со днем,
Каждый день с часом.
Милосердный и Всесильный
Видит в муках нас.
Попрошайничать постыдно,
Если в силах Спас.
Есть у нас работы трудной
Непечатый край.
Да минует нас подспудно
Суета наград.

Зерно

Лежит зерно у света на виду.
Тая в себе стократное значенье.
А мир поет все песни про еду
И славит их как высшее ученье.
Зерно лепечет песню про себя,
Как лопалось, цвело и колосилось,
Дождливых дней испарину любя
И солнца благодарственную милость.
И все живое радовалось дню
Под шелестом и пеньем неумолчным.
И запах меда слил в одну родню
Пожар зари и трепет белой ночи.
Ах, память неоглядная моя!
Не зри веков и день вчерашней муки.
Грядущий день от нас не утаит
Бумажные обочины науки.
Голодный жнец, увитый стеблем плана
Огреб в мешок и разум и талант.
Свободен я, пока пустая слава
Не замела отборные слова!
Мы рождены для тучных нив земных
Свершать великий круг предназначенья.
Тому порукой горний свет благих
И колоса нетленное ученье.

Богомолье

На земле, как на совести, церковь стоит.
Всем ветрам и разбоям открыта.
Чистотою манит, покаяньем грозит.
Для людей благодатью облита.
Ты приди-ка сюда на усталых ногах
Полевой прямоезжей дорогой,
Вознесясь на крестах и с мольбой
На устах
Посоветуйся с радостным Богом.
Боже праведный, светлый, спаси и прости
Одиночные гордые взлеты!
Мы успели остыть. Нам бы милость и стыд
Для служенья простые высоты.
Слезы дай в покаянье и песню в уста!
Распряплюсь очерствелою статью.
Яко орля молодой, пролечу над бедой.
Обольется душа благодатью.

Одиночество

Крестом осенясь,
Мы в радости были.
На вешнюю землю
Тропинки торили.
Снега разгребали
По первой капли.
Мы силу познали
И жарко потели.
Ручьи пропустили,
Парник снарядили
И сонную муху
Теплом наградили.
Взыгралось солнце
Как третий-хороший.
За дерзость такую
Прости меня, Боже.
С вернувшейся чайкой
Молитвы творили.
-Бог в помощь! –
Мне люди, идя, говорили.

На Феодосьевской набережной

Пробудись, живоносный источник
Божьей Матери! Радость, явьсь!..
Под раскаяньем блудные ночи,
Под слезой умиленные очи –
В искупленьи тревожная жизнь.
В нашей памяти чистый холодный
Не затоптан пятами машин.
Феодосий – монах преподобный
Освящал его словом угодным
В новине воскресенской обжи.
Мы грешны, холодны, глуповаты.
Волчьи стаи пасут водопой.
Мы со страху казались рогаты.
Мы ж вольны и светлы и богаты.
Песню звонкую солнцу пропой!
Примири материнские ласки
И сыновний рисковый азарт.
Дай любовь без хвастливой огласки.
Мы войдем без тревог и опаски
В поднебесный Взыскующий Град.

Под небом

Шумит весенний лес о радости и боли,
Поет веселый цвет о жажде бытия.
Усталый тракторист на отдохнувшем поле
Корит грачей за легкость их житья.
Сурепка на меже таится не напрасно,
По ниве распахнет пожар своих цветов.
Пчелиный рой решил единогласно
Цветочный сок сгустить в огонь медов.
А в вышине, где жаворонков звон,
Как будто есть большой и светлый гений.
Он облаками машет целый день,
Роняя нам холодных мыслей тени.
Он любит в нас упорство, пыл и честь –
Условный символ яростного века,
Что верим мы в безбрежный мир чудес –
Бессмертие Творца и человека.

Совет да любовь

Свечу от свечи зажигая,
Мы молимся дару любви.
Грустим под немymi штыками,
Смирная кипенья в крови.
Трудов ли дорога прямая
Возвысит, согнет, оскорбит.
Совет знатоков принимаем,
Не выразив ревности в пае,
А дружбу и честь утвердим.
И в ближнего веру обрящем
Под звоном божественных снов.
В застолье и сытно, и брашно.
Мир сладостен, мил и изящен,
Коль светит совет да любовь.

Мудрость

София Вологодская
Под пламенем крестов
Пасет зарю вечернюю
С ватагой молодцов.
Идут они хмельные,
И песня пеной с губ.
В глазах отсветы мечутся
Неведомых простуд.
От храма – книги каменной
Исходит света синь.
От Новгорода, Киева,
От всей Большой Руси.
Вздохни печалью матери,
Взвей душу догола!
Пока заря не стаяла,
Тряхни в колокола!
Пускай начальство дуется.
Прости его, не хай!
На покаянье явится
Перед лицом греха.
София пятиглавая,
Храни звезду небес!
Уйдет в мелиорацию
Музейный синий бес.

Под вечной луной

Тепла июльская луна.
Скорбит на небе русским ликом.
Под ней великая страна
Лесами вся полонена,
И Устюг сонный, но Великий.
Когда-то люди сей земли
Подняли в поле лунный камень.
Он в них отвагу поселил.
Любовь пред подвигом несли
И воссияли над веками.
Луна, как мать, скорбит о нас,
Страдая памятью блаженства.
Ведь кто-то сохранил запас
И во Вселенной явит глас
За идеалы совершенства.
И если хоть один поэт
О вечных днях воображает
И бодро бдит в потоке лет,
И в сумерках предвидит свет,
Он к солнцу выведет державу.

Божий день

Радуйся, радуйся Божьему дню!
Милый! Хороший! Желанный!
Поздних цветов голубую родню
Ты полюбил безоглядно.
Помнятся сердцу дождливые дни
Бились, как черные волны.
Ты ли веселья крыло обронил
Во искупленье виновных?
Всюду цветы: на межах и в хлебах,
В трепете пыльных обочин.
На молчаливый неведомый страх
Молится стрекот сорочий.
Кто нелюбивших от бури спасал,
Милостью сердце венчает.
Птичьим напевом лети в небеса,
Радостный день величавый!

Из завета

Он гордым противится,
Кротким дает благодать.
Скажи, мое сердце,
Как разуму с этим смириться?
Как редко встречаются
Светлые русские лица
С божественным даром
Душою по небу летать.
Покорные мы
Перед силой случайных явлений.
Но гордые мы
Перед страхами братской беды.
И ветхие старцы
Ревнуют совсем молодым,
Скупые сердца
Запирая от всех поколений.
По миру идем,
Ненавидя, скорбя и греша.
И вдруг прослезимся
Под светом внезапно явленным.
И светится разум на голос сердец
Умиленных.
Как чудо, рождается кроткая наша душа.
Ах, сколько судеб
Положили в кровавом бою!
А зло торжествует
В прибое кровавого пира...
Смиряется гордость
Пред высшей гармонией мира.
И кроткие души
Наследуют землю свою.

СУМЕЮ!..

МАРИЯ КУЛИКОВА

Сумею!

Пройти полжизни на руках
Вниз головой,
Преодолеть свой глупый страх
Быть не с тобой.
Разбить пятнадцать тысяч
Городских витрин.
Принять сто раз один и тот же
Анальгин.
И выжить в вечной жизни
Суматохи дня
Сумею смело, верю –
Даже без тебя.
Бокал с вином поставить
Плавно на иглу,
Разжечь костер в свой рост
На каменном полу.
Разлить в квартире всей
Вокруг костра бензин.
Понять, что здесь ты в этом
Мире лишь один,
И выжить, выжить!
В жарком пламени огня
Сумею гордо, знаю, -
Даже без тебя.

ПЕТР БАРОНОВ

Парадокс твоих дней

Твой голос больше не звенит –
Он словно треснувший бокал.
И сильный дух твой нынче спит –
Он каплю подустал.
Не знал, что можешь быть такой:
Такою хрупкой и простой,
Такою сонною и тихой.
Куда исчезло в тебе лихо?

ВАЛЕНТИН ШАГИНОВ

Ветер в небе облака
Разгонять всё ленится.
Во дворе стоит пока
Мокрая поленица,

Смотрит в мокрое оконце, -
Не горят дрова в печи.
Выходи скорее, солнце!
Дождик, дождик, не мочи!

Надоело нам, дровишкам,
Зря на улице мокреть,
Надо в доме ребятишкам
Печку русскую согреть,

В чугуне сварить картошку,
Истомить в кастрюле щи...
Сделай солнышку окошко,
Где оно там? – поищи!

НАДЕЖДА ЛИПИНА

Фиолетовые облака

Мы с тобой разругались опять.
Впрочем, все было так, как всегда.
Ты сказал: Нет таких облаков!
Получилось – опять не права.
Ты твердил мне, что их больше нет,
Я их видела – что мне сказать?
И ушел ты дорогой своей,
Я же дальше пошла их искать.
Ведь сквозь них светит мне звездный луч,
Звонкий дождь льется в солнечный день.
Белый снег голубеет от них,
И быстрее расцветает сирень.
Я иду. Преду мною стоит
Та картина, что видела я:
Фиолетовые облака,
И сквозь них – голубая Земля.

МАРИЯ БУРЦЕВА
(Климовское)

Ветер, ветер – озорник,
Ты зачем в мой дом проник?
Уж тебя я проучу,
Щели все заколочу.

Засмеялся ветер злой:
-Ты пугать меня постой,
Я не пуганый, бывалый,
Знаю выходов немало...

Доски, гвозди я схватила,
Щели все заколотила,
Все лазейки со двора
Прочным тесом забрала.

Со спокойною душой
Я зашла в свой дом большой,
На печь влезла – на тебе!..
Он всю поет в трубе.

ЗОЯ МАРЧЕНКО

Одна я в лес хожу и разговоры
Вновь слышу: «Ни к чему отвага та».
А мне вот непонятен тот, который
В лесу боится каждого куста.

Я в лес вхожу. Ах, сколько здесь свободы!
А звукам, ароматам – нет конца.
Я просто знаю – это храм природы,
И здесь меня не тронут никогда.

Я даже смело встречу на опушке
Хозяина-медведя грозный след.
Лишь вздрогну я от голоса кукушки:
Боюсь, что накукует мало лет.

АННА КАЗАКОВА

О том, что я люблю

Люблю свободу
И рассветы.
И через век
Я Вас люблю.
В ладонях воду
Я превращаю в снег.
Люблю браслеты, кольца
И вуали,
Безмерную наивность глаз,
В туман заgrimированные дали
И, несомненно, Вас.
Люблю, когда не слишком ярко солнце,
Не очень громок звук.
Я не люблю
Ненужно-нежных поцелуев
И слишком сильных рук.
Еще, я так привыкла
Быть несдержанно-упрямой
И прыгать выше головы.
Да... я смогла бы полюбить лишь тайну
Которой имя –

«Вы»!

ТАТЬЯНА МЕДНИКОВА

Клубком пушистым свернулась в сердце нежность.
И замурлыкала, уткнувшись носом в темноту.
Я полюбила город свой в молчаньи снежном,
И снег я полюбила за мечту,
Как чудо, приходящее зимою.
За город мой, за снег – в ответе ты.
Мои мечты ты окропил живой водою,
И ожили мои окаменевшие мечты.

Клубком пушистым свернулась в сердце нежность.

АГЛАЯ ПАНФИЛОВА

Если слова неуклюжи и слабы,
Падают с губ, как тяжелые жабы,
Речка застыла, раkitник молчит;
Бог – говорит!

Вот над рекою туман сероокий
Смотрит испуганно, дышит на щеки:
«Выпей отравы моей – и усни –
Жизнь – это сны!»

Черные птицы, как фразы, роятся,
Липнут к сознанию, на сердце ложатся.
Их игнорируя, взглядом бегу
К избам на том берегу.

О, это свет! Словно запах ванили!
И этот снег – немоты изобилье
Землю заткнули в хрустальном ларце,
В синем пасхальном яйце.

Игры идеями, игры телами,
Игры созвучьями, игры делами –
Лжем – и на ложь попадаемся сами –
Странно быть нами!

Хмель бытия с кровотоком кружится,
Мысли теряются, плаваются лица.
В мутной игре карусели,
Мчится без цели.

Вьется безумье, ползет наважденье,
Весел, мутится палач – наслажденье
И отрывает кусок от души:
«Чадо, вперед не греш!»

Сердце умолкнет, разум ослепнет,
Совесть оглохнет, глупость окрепнет,
Все замурует во тьме.
Свет не изменится, не пошатнется,
Чистый и радостный, льется и льется
Только вовне.

АЛЕКСЕЙ ВЕСЕЛОВ

Сквозь эстетику палых листьев
Сквозь пустые встречи на лестницах
Сквозь твое и мое безразличие –
Не хотел бы я чтоб ты повесилась
Сквозь «настоящее пьяно глазами»
Сквозь каскад искаженных звуков
Сквозь себя потерявших в себяшности –
Так хотел умереть бы я в муках
Чтобы кровь в тишине по коже
Что в глазах твоих – ужас мгновения
Чтобы ты наконец-то узнала
Боль от смен моего настроения

Шел по улице в лица заглядывал
Искал слепотой своих глаз твои
Черты в чертах проходящих спешно
Любви хотел среди безразличия
Глупый пытался поймать солнце
Пальцами нет наивности моей
Нет прощения...

Ты - эхо моей губительной пустоты
Твои пальцы заполняют мой рот
Тишиной если я не проснусь
Этот поезд уйдет полустанок пуст...
Все равно я предал плеч твоих
Сонный цвет...

ГАЛИНА ОНЧУРОВА

Есть только здесь и сейчас
И ничего более,
Будущее впереди,
Оно – далее,
Прошлое позади,
Оно – менее.

ПАВЕЛ ШИЛОВ

Темным омутом век куражится,
Кровоточит тяжелый след,
И душа моя в вихре плавится
От российских коварных бед.
Кто сильнее и наглей, тот славится,
Грудь вперед, наизнанку кулак.
Он идет по земле и хвалится,
Что он свой, и совсем не дурак.
А за ним вереница несчастий,
Плач детей, скрип зубов стариков.
Вот он, Родина милая, падший
В мир страстей и презрений оков.
Голосуйте, какой я хороший,
Люди добрые, верьте мне!
Заметает следочки пороша,
И душа моя в жарком огне.

ТАМАРА НОСОВА

Муза

О, как порою она донимает,
В прятки со мной, как ребенок, играет.
Руку подаст и покажет картинки,
Тут же наденет колпак невидимки
Или разбудит, шалунья, в ночи:
Палец к губам, пиши и молчи.
Тут я сказать ей немного готова,
А утром, как праздника, жду ее снова.

.....

Вечер плыл, глотая шорохи,
Тишина сжималась в кулачок.
Догорали в синем небе всполохи,
Спать ложилось солнце на бочок.

АЛЕНА РОДИНА

Блоха

Дмитрию Калашникову

Вот пауком суметь бы
Работать. А иногда
Плести для тебя не сети,
А целые провода.

Шарообразным брюхом
Касаться твоих колен.
Или податься в мухи,
Над ухом жужжать весь день.

Бабочкой быть беспечной,
Чтоб ты поймал в сачок.
А может, играть за печкой
На скрипочке, как сверчок.

Но я лишь блоха-малютка,
Быть вместе нам не судьба.
Приходится целые сутки
Твоих сторожить собак.

АЛЕКСАНДР КРУГЛИКОВ

Сырые деревца. Сырые тротуары,
Опавшею листвой усеянные сплошь.
По городу иду проспектом старым,
Который ныне с «новым русским» схож.

Нарядные дома, шикарные витрины...
То веет на меня советской стариной,
То промелькнет деталь времен Екатерины,
То двадцать первый век стоит передо мной...

Вот новизной сверкнул «дворец» для безработных.
Вот Камерный театр встал скромно на углу.
К Собору у реки иду сквозь дождик плотный.
И купола рассеивают мглу...

Е.БАДЯЙ

Мой птенец заболел...
Он сидит в гнезде теплом,
Растопырив пушистые перья.
Мой птенец заболел...
Осень бьется в закрытые окна,
Что-то зная, во что-то веря.
Мой птенец заболел...
Ветер холодом сдуру
Ляпнул на нежную шею.
Мой птенец заболел...
Кашель, температура,
И горчичники горло греют.
Мой птенец заболел...
Влажной тряпочкой лоб
Покрывают мои ладони.
Мой птенец заболел...
А холодный озноб
Бьет меня, и все тело стонет.
Мой птенец заболел...
Просочиться б дождем сквозь окна
И согреть в лечебных объятьях!..
Мой птенец заболел...
Он в гнезде своем теплом,
Возможно, ждет этого счастья...

ДМИТРИЙ КАЛАШНИКОВ

Увидел в поле улей я открытый,
Оттуда ток крылатый истекал
И лился за далёкие ракиты.

Я ближе подошёл – мигали соты
В его густой медовой глубине,
Как ангелы, познавшие высоты,
Трудились пчёлы в тёплой тишине.

И были они счастливы и сыты,
И ветер их работу освежал,
Куда же я, заботами разбитый,
Всю жизнь по нитке времени бежал?!

ЖОБОТ

Печатный орган
Союза Слона

№3

16 и 17 марта в двух городских библиотеках состоялись презентации первого сборника стихов Игоря Эпанаева («Прыжок выше головы» №25). Издатель – Николай Кузнецов, Художник – Елена Данилова. Сам сборник можно приобрести во всех точках студии «Рекорд», магазине «APC-MUSIC» (Советский, 51), в доме книги и в магазине «Библиофера». Заказать – по телефону 21-75-50. На презентациях выступило около двадцати поэтов и музыкантов из Череповца и Белозерска, а также известнейший рок-бард из Иванова – Александр Непомнящий. Ну, Эпанаева вы еще увидите, а вот эксклюзивные вещи Непомнящего мы вам сегодня и предлагаем.

АЛЕКСАНДР НЕПОМНЯЩИЙ

Бабочки

Я потом расскажу тебе, Родина.
Я потом расскажу тебе все, Родина.
А сейчас я попою лучше, Родина,
Мне честнее так по жизни танцуется.

Я потом расскажу тебе, Родина,
Как плясал, как летал над ромашками,
Как свисал над березовой пропастью,
Как любил за окном ночью до зари.

Я потом расскажу тебе, Родина.
Я потом расскажу тебе все, Родина.
А сейчас я попою лучше, Родина –
Мне честнее так верить тебе, милая.

Я потом расскажу тебе, Родина –
И не надо меня исповедывать,
И не надо меня излечивать,
И не надо, уймись – покалечишь ведь.

Не уроды мы – просто все разные
Звери, птицы, и лес у нас сказочный,
А кто полезет со всеобщей правдою
Просвещать, так нарвется ж, бедный, на обрез.

И полетят клочки по заулочкам,
И запылают ограды и маковки,
И в книгах всех вавилонских библиотек
Не найдут ВорОны умные про нас ничего.

Так и уйдем в лес никем не опознанными,
И зарастут буреломом тропинки все,
А вы останетесь... И только бабочки
Будут плясать над ромашками.

Ты прости меня, глупая Родина.
Я потом расскажу тебе все, Родина.
А сейчас я попою лучше, Родина
Про то как пляшут над пропастью бабочки
Ниже ада, выше рая пляшут бабочки.
Ниже ада, выше рая пляшут бабочки.

**В детском доме-щколе
состоялся конкурс рисунков
«Самый оригинальный слон».**

Организаторы: Игорь Эпанаев и Алла Ефимова. Все 16 финалистов конкурса получили сладкие призы, а победители – журнал «Окраина». Первое место завоевал Алексей Паницкий (см. рисунок).

Известные череповецкие музыканты **Игорь Медведев** из «Досрочной реанимации» и **Андрей Кислый** в экстремальных условиях на соколе записали замечательный альбом «Мясо» (проект «Голгофа»). Рекомендуем послушать. Третий альбом панк-группы «Желтый дом» скоро появится в точках студии «Рекорд».

РЕВЕРС

*(самый талантливый
по мнению Эпанаева)
поэт из рубрики 840
газеты «Спутник Череповца»*

Я проклят, это точно:
Моя любовь – убийца.
Найти веревку срочно,
Прийти и удавиться.

А то своим молчаньем
Казнишь, да не до смерти –
И вою я в печали
До снежной круговерти.
Прости, мой ангел падший,
Что мы милы друг другу.
Прости за счастье наше,
Прости за эту муку.

Я рву свои черновики,
Я знаю – возродится снова
Написанное от руки,
Ненапечатанное слово.
Как сердца стук –
Так мысли бег,
Следами строки на бумаге.
Где Альфа в тысячах омег?
Где истина и ключ к отваге?
Как счастья птицу приручить?
Сосредоточен и неистов,
Пишу, чтоб не других учить.
Я не тяну на романиста.

На зеркальной глади
Паутина трещин.
Нынче вроде ладим,
Не кидаем вещи.
Луковое счастье,
Ржавчиною ревность,
Рушится на части
Сказочная крепость.
Вянут наши куци,
Мы бредем все дальше –
Слишком всемогуще
Притяженье фальши.
Видно, в довершение
Подойдем мы к краю...
Не о наслаждении,
О любви мечтаю.

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ОБЛАСТНОГО САНАТОРНОГО ЛАГЕРЯ «ЯНТАРЬ» (СТРАНИЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ)

Лагерь «Янтарь» - все для ребенка, все во имя ребенка

Оказавшись в живописном сосновом бору, на берегу красавицы Мологи, вдали от промышленных гигантов, вы попадаете в «Янтарное королевство» - Детский областной санаторный лагерь «Янтарь» круглогодичного действия. Попав сюда, вы постепенно окунаетесь в атмосферу любви, дружбы, творчества, романтики и фантазии. Что же замечательного можно увидеть в «Янтаре»? Дружный педагогический коллектив, благодаря которому детям не приходится скучать ни зимой, ни летом, ни утром, ни днем. Педагог, который решит любую проблему, сможет внимательно выслушать ребенка и помочь ему. Коллектив – это не только воспитатели каждого отряда (правители замков) и вожатые (волшебницы), но и учителя. «Янтарь» - лагерь круглогодичного действия, ребенок отправляясь на лечение, чтобы не отстать от программы, посещает и школу. Уроки в «Янтаре» проходят очень интересно и не совсем так, как в обычной школе. Также хотелось бы отметить работников творческого домика «Теремок», где дети учатся создавать произведения искусства своими руками, работников спорткомплекса, телевидеоклассов, игровых, ди-джеев и т.д. В «Янтаре» каждый найдет себе занятие по душе. Детям не захочется домой и не покажутся скучными любые праздники, будь то Новый год или Рождество, день Святого Валентина, Масленица или 23 февраля. Этот момент выделяют сами ребята в своих сочинениях о лагере. Еще они отмечают обилие мероприятий, которые проводятся в лагере. За смену практически все дети(!) побывали на сцене в качестве артистов; творчество здесь только поощряется. Еще детям нравится лечиться(!) в

современном медкорпусе, они нашли множество друзей и обещали непременно вернуться в «Янтарь». Детям нравятся яркие театральные постановки, в которых участвуют все педагоги. Педколлектив состоит из творческих людей: кто-то профессионально поет, кто-то танцует или пишет стихи – ведь обстановка в лагере только вдохновляет и располагает. В «Янтаре» лечат бронхо-легочные, желудочно-кишечные заболевания, нарушения осанки, но главный козырь и профиль – лечение болезней, связанных с нарушением зрения. В области нет больше ни одного лагеря, который применяет столь современную аппаратуру для лечения этого распространенного среди детей и взрослых недуга. А еще здесь проводится уже знаменитый телевизионный детский музыкальный фестиваль Браво в «Янтаре». В фойе главного корпуса висит множество дипломов, грамот и благодарственных писем по этому поводу, ведь на «Браво» приезжают творческие коллективы со всей страны. В «Янтаре» есть и другие добрые традиции: это большая экономическая игра, которая длится на протяжении всей смены. За все свои добрые дела каждый ребенок получает «янтарики», на которые может приобрести всякие вкусности, а также сувениры на память о лагере, который, впрочем, и так никогда не забудет. Потому что в «Янтаре» делается все для ребенка и все во имя ребенка.

Эланаев И.

*По всем вопросам обращаться:
Череповецкий район, п/о
Харламовское, т. (8202) 59-39-92, г.
Череповец, Ленина, 80, к. 50, т. (8202)
57-33-55. Г. Вологда, ул. Лермонтова,
19, т. (8172) 72-16-38.
Ген. директора: Смирнов Николай
Васильевич, Смирнова Галина
Михайловна.*

15 февраля в 19.00 в лагере «Янтарь» состоялся «Вечер при свечах», он же фестиваль молодежной поэзии «Прыжок выше головы №24».

Данное мероприятие отличалось от других прежде всего тем, что в нем участвовали юные таланты, которые выступили не только в роли поэтов: Ермолинская Даша (замок «Снежинки»), Кирсанова Лена (замок «Звезды»), Миропольский Борис и Самутин Алексей («Зайчики»), прозаиков: Беспалова Мария («Снежинки»), музыкантов: представители «Снежинок» и «Зайчиков», но и в роли художников («Неугомон»), чтецов («Кошечки», «Зайчики», «Звезды»), танцоров («Кошечки» и «Звезды») и артистов (замок «Зайчики»). Впрочем, участвовали все. Предлагаем вам лучшие стихотворения детей 6-й смены детского областного лагеря «Янтарь» круглогодичного действия.

САМУТИН ЛЕША
(9-й класс, «Зайчики»)

Пашка

*Пашка – старший из ребят,
Он возглавил наш отряд.
Он все слушает «КиШа»,
И танцует неспеша.
Любит Паша выступать,
Может клево поступать.
Он возглавил наш отряд,
Вобщем, двадцать шесть «зайчат»
Принцем его выбрали,
Чтобы мы не прыгали,
Заработанный «янтарик»
Отдаем ему в подарок!*

Рис. Маши Бураченко, 8-й отряд, «Масяньки».

КИРСАНОВА ЛЕНА
(9-й класс, «Звезды»)

Звезда

*Одна она на белом свете,
Одна она сверкает вновь,
Одна она поет о лете
И воспевает ту любовь.
Но полнолуние настало,
Упала звездочка во тьму
И жизнь свою она сломала,
И не тревожит ту листву.
Одна лежит и замерзает,
Но и никто не понимает
Ее тревогу и печаль,
И мне одну ее лишь жаль.
И вот на небе вновь она,
И все лучи свои зажгла
И озаряет целый круг
Во тьме нашедший ее друг!*

Страничка подготовлена
жителями «Янтарного
королевства»

Редколлегия издания «Хобот»

Слон – главный редактор;
И.В.Эпанаев – заместитель
главного редактора;
Кукуин – технический редактор.

НАТАЛЬЯ ТИШКИНА

Русской женщине

*Двадцатый век, сороковые,
Дни тоской напряжены.
Многие ль из вас живые,
Кто был в плуг запряжены?*

Спасли страну от голода и мора
Женское терпенье и нужда.
Страх руководил и море горя,
Суровая и крепкая узда.

Склонялись осенью с поклоном,
В снопы срезая спелу рожь.
Детей рожали под суслином,
Когда денечек был погож.

Вынесли страданья и утраты,
Не ропща на голый трудодень,
Не давали женщинам зарплаты,
Они не знали, что такое лень.

*Не только коня остановит,
Она поведет самолет,
Всегда создает и творит,
И жизнь ее – вечный полет.*

СВЕТЛАНА ЧЕБЛОКОВА (Вологда)

Где Вы, моя клюковка,
Моя клюква в сахаре?
Выводила букочки,
Чтобы Вы поахали.

Сладким были, ласковым,
В белой пудре сушенным.
А теперь – затасканный,
Кислый и надкушенный.

НИКОЛАЙ ХОХРЯКОВ

Планета деревьев

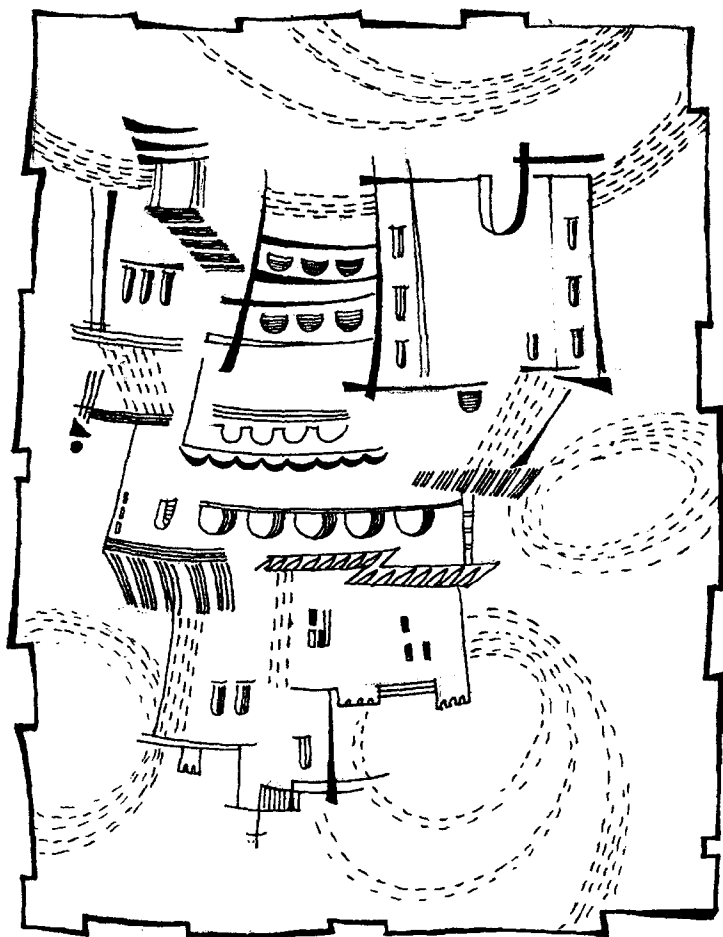
Наблюдая за жизнью таинственной вечных древ,
Я скриплю, словно уголь, на белом ветру сгорев.
Я гляжу, как равный, на пустые попытки трав
Дорости до неба. Я над ними смеюсь. Я прав?
По изломам извилистым бурой, как кровь, коры
Ночь стекает соком из черных небес дыры.
Зацепившись чем-то похожим на крюк, звезда
Вырывает сердце. Но я ведь не умер, да?
Осознание греет, что ветер осенний гол.
Покидая тело, вживаюсь душою в ствол.
На планете древней, где трудно забыть войну,
Ожидая встречи. Ну, что же ты, ближе, ну!
Вот такой мне и нужен – бесстрашный и сильный дру!
Златоглазый воин, ведь новые битвы – вдруг!
А пока что ветер, и зрителей ждет луна,
И изнанка листьев серебрится оттенком льна.
Ну, а дальше? Что, если ветер замрет, допев?
И в просветы веток проглянут Стрелец и Лев?
И седые нимфы, хромя, придут к ручью...
Мы узнаем землю, прекрасную землю. Чью?
Неужели нашу, неужто мы ей к лицу?
А деревья машут и тянутся вверх – к Отцу.
А деревья помнят, что их-то планета здесь...
И что мы им не ровня, надолго собьет нам спесь.

ОМАХА (Вологда)

Поухаживай за мной неумело,
Поухаживай за мной непривычно.
Подари мне звездное небо,
Подари хрусталь ручейной водички.
Надыши мне на ухо песню,
Навздыхай мне добрую сказку.
Звука-вздоха твоего нет прелестней,
Вида-взгляда твоего – нет прекрасней.

Алло? ЭТО ОКРАИНА?

ЕВГЕНИЙ ШАЛАШОВ

Стойкие оловянные солдатики ...

*Было когда-то двадцать пять
Оловянных солдатиков,
Родных братьев по матери -
Старой оловянной ложке ...*

Г.Х.Андерсен

Посвящается О.С.Овчинникову

Дом, наверное, был построен еще во времена матушки Екатерины. С тех пор он так и не перестраивался, и толком не ремонтировался. Николаич - бывший денщик, а нынче управляющий имением, как только не уговаривал барина. Говорил, что мол, перед соседями стыдно. Да что там перед соседями, свои же мужички в кулак хихикают... Особенно Николаича злили словечки о том, что мол, сам-то управляющий себе новый дом отгрохал, а барин чуть ли не в хлеву живет. А барин только отмахивался, да отшучивался. Дескать, и так сойдет. Соседям же, обращавших внимание на новый дом управляющего под железной крышей, приводил слова Его Сиятельства Александра Васильевича Суворова: "Старый-то управляющий уже наворовал на новый дом, а смени его на нового, так новый еще больше уворует!"

А может и сойдет. В конце концов, стоял этот дом полста лет, так и еще постоит. Но Николаич однажды не выдержал. Под "шумок", пока барин бывал в отъездах, Николаич кое-что сделал. Приказал заменить нижние венцы сруба, перебрать полы в гостиной, выкрасить фронтон. Когда разобрали самый нижний венец, то под правым углом обнаружили медный пятак. На пятаке стоял год "1759". Стало быть, дом-то еще при Елизавете Петровне был построен. Хотел было управляющий распорядиться поменять обшивку, но не успел. Приехал барин. Поругался малость, потому что когда дом-то ремонтировали, пришлось кой-какие вещи выносить в сарай. А потом обратно стаскивать. А так как книги и бумаги сложили не в том порядке, в каком он привык. Вернее было бы сказать, в том беспорядке, где и черт ногу сломит. А второй вывернет. Но главное - ничего не растеряли и не разбили драгоценные трофеи. Ружья там всякие, которые уже и заряжать-то страшно, сабли-ятаганы, топоры на длинных древках. И еще много чего, что собрано было за долгую службу. Хотя, за этукую-то службу мог бы чего подороже собрать...

Так что, серчал не шибко, но работы велел прекратить. Велел привести в порядок флигелек, переложить там печку - сделать

ее поменьше. Зачем? Но об этом барин как-нибудь сам расскажет. Теперь Николаичу придется ждать очередного отъезда хозяина, что бы дом “довести до ума”.

А дом этот и небольшое имение в N-ском уезде Вологодской губернии, барин получил недавно. И очень вовремя. После очередного, Бог весть какого по счету ранения, которое приключилось в августе 1831 года (будь неладны эти поляки!), нога перестала сгибаться. А это значит, что карьера пехотного офицера была закончена. Хотя по чину, командиру батальона лошадь и положена, но все равно, бегать приходится. Да и не мальчик уже. На Успение тридцать восемь исполнилось. В генералы до тридцати не попал, так теперь уже и поздно. Двадцать лет уже отслужил. Оно конечно, можно бы и еще годиков-то десять прослужить. При очень большом везении можно и до командира полка дойти. Особенно, если куда-нибудь на Кавказ перевестись... Если бы. Ну уж тут, как говорится, это самое “бы” и мешает. Когда по утрам маешься каждой косточкой и жилочкой - тут сломано было, тут стукнуто. А тут, лекарь (немец-колбаса) кусок картечи после боя с турками ковырял-ковырял, да так и не смог выковырять. Есть только одна польза от всего этого - знаешь, будет завтра дождь или нет. Но без этого знания можно бы и обойтись. Так, что пользы царю-батюшке и отчизне от такого воина почти никакой. Что мог сделал. И слава богу. И пришлось бы господину отставному майору Куприянову доживать свой век на пенсию на казенной квартире для увечных офицеров или в приживалах у какого-нибудь сердобольного родственника потихоньку спиваться, да тут... Тут и пофартило. Получил майор Куприянов весточку о том, что завещал ему двоюродный дядюшка (вот молодец!) именице. Не сказать, что очень большое, но... Прибыль тыщ десять серебром в год. После армейского жалованья - деньги бешеные. Да и отдохнуть можно.

Первое время, когда отставной майор поселился в имении, особого отдыха и не было. Увлёкся было садом. Хотел сделать что-то эдакое, на английский манер. Но решил, что расчищенные дорожки и регулярные посадки все-таки лучше, нежели кусок дикого леса. Тем паче - в Англии-то настоящие леса ихние благородные Робин Гуды да прочие браконьеры, повыврубали давным-давно, поэтому тамошние джентльмены и придумали для себя “дикие” парки. А в России-матушке лесов хватает. Есть куда погулять сходить. А около дома лучше иметь дорожки и лужайки, чтобы по крапиве не ходить, да через кустарник не ломиться.

Приходилось ездить знакомиться с соседями. Приняли, в общем-то, хорошо. За чужака не посчитали. Кто-то из старичков даже вспомнил, что помнил его “вот-вот таким мальцом”. Куприянов, хоть раньше никогда в этих краях и не бывал, не спорил. А зачем? Кроме того,

соседи уважали его чин и награды. Чин-то не такой уж и большой, положим, но тем не менее. А наград было столько, что ежели ездил в уезд, в дворянское собрание, то сам предводитель с ним первый кланялся. Тут тебе и Владимир с мечами, и Анна. А медалей - так вообще полная грудь. Даже иноземные есть. Немецкий железный (или "Кульмский") крест. А из-за одного креста очень даже неприятный конфуз вышел. Делопроизводитель из канцелярии, польский шляхтич пан Пшигнаевский, неизвестно какими путями попавший в эти края, узрев на груди на груди у Куприянова крест "VERTYTI MILITARI", бросился было к нему, как к обретенному брату. Но увидев, что крест украшает надпись "За взятие Варшавы", чуть не лишился дара речи. Откуда ему было знать, что высший польский орден "За военные заслуги", после очередного восстания своих же подданных, братьев-славян, государь-император приказал переделать в наградный знак для своих офицеров? Тоже братьев-славян... А хоть бы и знал, так все равно не дело обсуждать (или ОСУЖДАТЬ!) государя. Короче говоря, дело чуть не кончилось дуэлью. Куприянов, к братьям-полякам претензии еще с Бородина имел, от дуэли, ежели бы она состоялась, отказываться б не стал. Но, к счастью, несмотря на свой гонор и спесь, г-н Пшигнаевский понимал, что исход дуэли будет не в его пользу. Оставить сиротами троих детей или везти их и красавицу жену в еще более неприветливые края, нежели северная губерния. Выбор, пся крев, невелик. Так ему и господин капитан-исправник пообещал ...

Были и еще досадные обстоятельства. Барыньки, имевшие дочек на выданье, правда, слегка перезревших, почему-то имели на отставного майора свои виды. Он им не казался ни старым, ни увечным. Напротив. Солидным и положительным. Да еще и при приличном доходе. Папеньки же, заполучив Куприянова в гости, в перерывах между триктраком и вечерней трапезой, старательно втолковывали о видах на приданное и семейных связях, которые, без сомнения, пойдут на пользу. Порой, Куприянов даже жалел, что не может жениться на всех сразу. Что бы не обидеть кого-нибудь. Но чаще всего подобные разговоры вызывали у него скуку или смех. Но зевать или хохотать майор, несмотря на свое казарменное прошлое, считал неприличным. Ну не хотелось ему жениться! Почему не хотелось, он и сам не смог бы сказать. Бывает и так. Но все же, пришлось поступить проще - перестать ездить в гости. Вернее, почти перестать. Быть совсем уж бирюком - это тоже не выход. Поэтому Куприянов стал ездить туда, где дочерей на выданье не было. Но ездил не часто. А потому и совсем перестал. Сидел в своем имении и чем-то занимался.

Каким-то странным делом. Дело было настолько странным, что вскоре слух о нем дошел до ушей капитан-исправника.

Господин капитан-исправник Николай Васильевич Маликов явился на рассвете, когда добрые люди еще только-только просыпаются. Хотя в те времена народ вставал с третьими петухами, но исправник умудрялся вставать еще раньше. Еще хозяйки своих коров не успели подоить. И деревенский пастух Мирон еще неторопливо доедал свой скудный завтрак.

У исправника была своя "метода". Он совершенно справедливо полагал, что чем раньше он придет, тем быстрее добьется нужного. Сонный, да только что проснувшийся человек был гораздо слабже, нежели выпавшийся. И хотя по отношению к господину Куприянову у него особых претензий не было, но! Служба есть служба. Исправник справедливо считал, что любой слух он обязан проверить. Хоть и поругивали Николая Васильевича за излишнее рвение, но у начальства он был на хорошем счету. Еще бы. В уезде почти не было ни убийств, ни краж. Вернее, быть-то они были, да исправник вовремя злоумышленников сыскивал. Было, правда, одно дело, за которое ему было стыдно. Обокрали местную церковь. Но тут, по всем приметам, были не свои, а кто-то из людей пришлых. И где их сыскать, никто уже и не знал.

А что касается Куприянова... Тут была одна тонкость. Капитан-исправник, он хоть и капитан, но по ведомству МВД, а по армейским чинам дослужился только до поручика. Семейные обстоятельства-с. Но во время войны с Наполеоном служил. Правда, только в ополчении. Да и на груди, окромя серебряной медали на анненской ленте, которую давали всем ополченцам, ничего нет... Обещали в губернском правлении, что на тезоименитство Его Императорского Величества получит Владимира 4-й степени. Но это еще вилами на воде писано... А майор имел такой "иконостас", что исправник был готов вытянуться во фронт и отсалютовать положенной по должности саблей.

Но! Опять же, как помещик уезда, Куприянов по всем делам уголовным подчинялся исправнику и, как не крути, обязан и должен держать ответ по всем законам Российской империи. А дело, которое должен был проверить капитан-исправник было нехорошее. Болтали про Куприянова, что делает он фальшивые деньги.

Поначалу, когда исправник услышал сию сплетню, то засмеялся. Потом задумался. По укоренившейся привычке, ничего из виду не упускать, стал присматриваться к Куприянову и его дворне. Узнал, например о том, что управляющий майора время от времени покупает у проезжих купцов олово и свинец.

То, что покупается свинец, предположим, никакой беды нет.

Каждый охотник покупает свинец для отливки пуль. Но! Олово-то зачем? Пули из него не льют. И, потом, исправник, сам будучи охотником, не мог понять - зачем брать свинец и олово пудами? Ну фунт, ну два фунта... Но пуд? А если ты покупаешь свинец, то почему не берешь еще и порох?

А когда Маликов узнал, что отставной майор Куприянов на охоту не ходит, то его подозрения стали еще больше. Но опять же. Подозрения-то подозрениями, но никто в уезде фальшивых монет не видел. Уж тут Маликов собственноручно проверял у городских купцов мелкие деньги (чем чрезвычайно пугал бедолаг). И из губернии никаких вестей не было. Вот, когда после войны с Наполеоном расплодилось в государстве много поддельных ассигнаций, которые французы напечатали, то из самой Москвы приходили специальные депеши, в которых все подробно разъяснялось - как оная фальшивая ассигнация выглядит, чем от настоящей отличается. Ну и прочая и прочая. Но ежели фальшивые деньги, все-таки появятся, так уж и поздно будет...

Но как не спешил капитан-исправник, но к его приезду отставной майор уже был "бодр и свеж". Сказывалась долголетняя армейская привычка. Если солдатушки вставали с петухами, то господа отцы-командиры вставали еще раньше. Это только в плохих романах офицеры вставали в полдень. Может быть, где-то в гвардии так оно и было, но в армейских пехотных полках о таком никто и подумать бы не мог. Там нужно ухо остро держать и самому пример подавать.

- Здравия желаю, господин майор, - приветствовал хозяина исправник, выгружая из коляски свои длинные ноги. - Как живы, как здоровы?

- Вашими молитвами, уважаемый Николай Васильевич, - отвечивал хозяин. - Какими судьбами?

- Служба-с. По делу я к Вам.

- Ну, а раз по делу, то лучше всего нам чайку попить. Вы, Николай Васильевич, верно еще и не завтракали. А у меня тут и самоварчик поспел, и пироги сей минут будут.

Исправник отказываться не стал и скоро гость и хозяин уселись за стол перед уютно сверкающим самоваром. Вообще, понятие "попить чайку" имеет много значений. Поэтому, когда хозяин вытащил из шкапа графинчик с настойкой, а крепкая дворовая девка притащила на стол не только пироги, но и разнообразные закуски-заедки, гость удивляться не стал. И пироги удачные получились и чаек был хороший - китайский. И наливка в самую меру - не пьнит, а скорее бодрит. С утра в самый раз. Во время краткого застоя обменялись дежурными разговорами о погоде, о видах на урожай, о последней книге господина Гоголя.

Пустой разговор. Куприянову виды на урожай были

совсем безразличны, потому что всеми хозяйскими делами заправлял верный Николаич, а Маликов не то, что последней книжки господина Гоголя не читал, так и вообще о таком писателе не слышал. Можно бы, конечно поговорить о войне с Бонапартом, обсудить те сражения, в которых оба участвовали. Но такие воспоминания лучше делать вечером. И не за графинчиком с наливкой, а за графинчиком с настоеккой. А лучше двумя графинчиками. Но до вечера еще далеко. Целый день.

Когда откушали, хозяину принесли уже набитую трубку. Все та же дворовая девка притащила из кухни уголек. Исправник был некурящий, но к чужим привычкам относился уважительно. К разговору приступил только тогда, когда довольный хозяин окутался клубами дыма.

- А я ведь к Вам, господин майор по делу, - начал издали представитель власти. - Развейте мои сомнения. Не скрою, будь на Вашем месте другой какой человек, так и разговор был бы другой.

После этих слов исправник замялся, думая: "А какой другой разговор? Кроме сплетен и подозрений ничего и не было. Как и сказать-то. А вдруг, рассердится. И, ведь не посмотрит, что капитан-исправник. Выгонит взащей. Может еще и жалобу написать. Со службы, за это не выгонят. Но за то, что оскорбил подозрением заслуженного офицера, кавалера, может очень нагореть. Тогда уж точно, обещанного Владимира дождешься лишь к отставке."

Хозяин, кажется, понимал, что разговор предстоит нехороший. Недобрый разговор. Но понимающе кивнул.

Исправник набрал в грудь побольше воздуха и выпалил, чеканя слова:

- Болтают. Что. Вы. Деньги. Фальшивые. Делаете!

Майор озадаченно посмотрел на исправника. Кажется. В его взоре так и виделось: "Уж не спятил ли ты, голубчик?" Но посмотрел еще пристальней и понял: "Не спятил."

- Болтать-то много чего болтают. Вон, в соседней деревне, говорят, бабка на помеле летает, да куриц соседских крадет. Вы же ее под арест не берете. Россия страна большая, дураков в ней много.

Исправник собрался было обидеться. Но принять "дурака" на свой счет, тогда уж точно будешь выглядеть дураком. Ответил спокойно:

- Ну, от того, что какая-то бабка летает, отечеству неприятности не будет. От фальшивых же денег... Ну, да-с, Вы и сами понимаете. Не верю я этим слухи. Но опять же, служба-с. Но, если Вы мне прямо сейчас дадите честное слово русского офицера, что слухи сии ложные, то я тотчас же уеду.

Майор задумчиво посмотрел на капитан-исправника. Казалось бы, никогда особо не уважал ни полицейских, ни жандармерию. А вот поди же! Дай ему честное слово офицера...

- Но все-таки, любезный Николай Васильевич. Насколько я Вас знаю, человек Вы неглупый. На каких же основаниях, позвольте спросить, основываются эти слухи?

- Самое смешное, господин майор - на свинце и олове, которое Ваш управляющий покупает в невероятных количествах, - открыл исправник тайну своих наблюдений.

Майор хохотнул. Вначале слегка, а потом расхохотался так, что поперхнулся дымом и был вынужден долго откашливаться. Откашлявшись, предложил:

- Идемте-ка со мной, сударь. Покажу Вам свою мастерскую. Ту самую, где я монеты фальшивые делаю.

Идти пришлось недолго. В глубине двора располагался крошечный, всего в две комнаты, флигелек. Теперь перегородка, разделяющая комнаты была сломана. Почти половину площади занимала печка-голландка, с чугунной плитой. Вся плита была заставлена ковшиками разной величины. Судя по потекам на стенках, в них действительно плавил олово или свинец. Впрочем, одного взгляда на комнату было достаточно, чтобы оценить объем работ. Тут и там валялись куски металла, мешки с гипсом, долотца и ножички, клещи и кусачки, молотки и напильники. И всюду громоздились готовые и полуготовые фигурки солдатиков... Те, что поплоче - видимо, бракованные, просто валялись на полу. Изготовленные качественно занимали несколько настенных полок...

Внимательно оглядев все вокруг, исправник облегченно перекрестился:

- Ну, слава тебе Господи. Развеяли Вы все мои сомнения. Примите мои искренние извинения, господин майор. Вы, стало быть, игрушечные солдатики льете. Хорошее дело. И не понять было, то ли смеется исправник, то ли нет. Куприянова такой тон очень покоробил.

ВИКТОР КИЧКАРЕВ

Подслушивающий сплетни

Фарук Палыч страсть как обожал всяческие переодевания. Наряжался мельником, кузнецом, лесорубом. А то и вообще не понятно, чудным способом. Вроде, как бродяга или иностранец какой. Напялит на себя дырявые ботфорты, шаровары, рубашку-разлетаюку и расхаживает в зеркальной комнате, красуется собою и подмигивает отражению. Покуда Его Падишахское Величество на обед не позовут или по прочим делам государственной важности.

Но самое главное заключалось вот в чем: Фарук любил тайно прогуливаться по улицам своего города. С накладной бородой и в грязной чалме набекрень, он совсем ничем не выделялся из толпы верноподданного ему народа. Фарук Палыч подслушивал разговоры. Чего про него люди судачат. Придет на базар с палочкой, встанет возле мясной лавки и рот раскроет. А жирный продавец как раз в это время собирается с силами для очередного анекдота про своего любимого правителя.

«Однажды, у Палыча нашего выросли большие рога, - вещает толстопузый, - а все от того, что он покушал не тех груш. Падишах пробил рогами потолок, а выдернуть не смог. Пришлось отпиливать. Да так, чтобы никто не узнал».

-Ага, вот я тебе задам головоломку! - думает Фарук Палыч - Будешь знать, как говорить неправду.

И дальше идет.

В один из воскресных деньков, падишах по своему обыкновению прогуливался в платье бедняка взад-вперед между торговых рядов. Как-то само собой людской поток вытолкнул его в некий пыльный закуток. Буквально в трех метрах от падишаха бурлило людское море. А здесь, ну вроде как, оазис мира и покоя. На специальных ковриках восседали трое оборванцев. Они играли в кости.

«Пять больше двух! - рывкнул один из них, - я выиграл». «Посмотрим, что покажет мой бросок. Не кипятитесь, братья, я буду победителем!» «Наш достоправный падишах запретил игру в кости. И особенно туго придется победителю, если его схватят стражники», - подумал про себя Фарук. А вслух промолвил: «Какая чудесная игра! Я хотел бы попытаться в ней счастье вместе с вами, уважаемые!»

«Ты ошибаешься, путник, - отвечал Фаруку юноша с красным лицом. - Наш падишах не считает Джозля, Томаса и Абдуллу, - юноша обвел взглядом своих друзей и ткнул пальцем себе в грудь, - уважаемыми».

«Он тупица и бездельник, - добавил кривоносыый, - не дает добрым людям блеснуть геройством в ратном деле и отличиться в службе гражданской. Вот я, к примеру, лучший фехтовальщик в стране, и могу это доказать!»

«Что ж, проверим, - ухмыльнулось Его Падишахское Величество, - какой ты боец. Будем драться на палках!»

Фарук, обученный в лучших дворцовых традициях, всегда очень высоко ценил себя, но поединок длился всего одну минуту. «Почему я на земле, где мое оружие, и чья это нога топчет мой живот?» - мысли нахлобучиваясь друг на дружку, прыгали в падишахской голове.

«Вот так-то! Томас – лучший кулачный боец, а Абдулла – общепризнанный стрелок из лука. Или ты не веришь?»

«Нет-нет, согласен с вами! – закричал испуганный Фарук Палыч. – А почему вы такие талантливые и не при деле?»

«Потому, что падишахский визирь Ахмед, по приказу Его Величества, распорядился не подпускать нашу троицу ко дворцу, дабы мы не составили конкуренции ленивым стражникам».

«Но я такого не говорил. И этих замечательных людей не знал. А теперь они мне нравятся, - размышлял падишах. – Нельзя распоряжаться от моего имени!»

И уже на следующий день Фарук Палыч закатил пышный пир в честь своих новых друзей: Джозля, Томаса и Абдуллы. Отныне они стали важными персонами личной гвардии Его Величества. А Фарук не начинал более без них ни одного ужина.

АЛЬФРЕД ХОХРЯКОВ

Из «Рассказиков»

На календаре 13. Перевернул – стало 31. Какой месяц будет завтра?

Достал с полки шкатулку. В ней был сундук с одеждой. Обувь стояла на крышке внутри. Оделся, взял удочки, мотыля и шнек. Открыл потайную дверцу в дне сундука и вышел на реку. Крышку сундука закрыл за собой, а шкатулку поставил на место, чтобы не узнала жена.

Мандарин замахал листьями, стараясь удержать солнце. Это удалось ненадолго. Сил было мало. Я хотел помочь, но в это время позвонила ты.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА.

ДМИТРИЙ КАЙНАРОВ

*Из предисловия к поэтическому сборнику
Дмитрия Кайнарова*

«Надежды одинокая звезда»

В моих руках тетрадь и голубые листки из блокнота. В них стихи. Они ждали меня. Я знала, что они существуют и тоже ждала встречи с ними. Но только сегодня мы встретились. Даже сами листочки, как и стихи – живые, говорящие за человека, с которым мы уже не увидимся в этой жизни. Стихи принадлежат Дмитрию Кайнарову. Дмитрий Эдгарович трагически погиб в феврале 2000 года во время журналистской командировки в Никольский район. При жизни он выпустил вместе со своим другом С.Ладухиным книжку стихов «Грустная улыбка». Стихи и рассказы Д.Кайнарова печатались в газете «Сельская новь», потому что в последние годы он жил и учительствовал в селе Абаканово Череповецкого района. Он был одаренным человеком. И сегодня стихи говорят нам о том, как когда-то поэту открылось, что он:

*«Какой-то нитью, гранью
За сферу неизвестного проник...»*

Теперь из своего неизвестного мира Дмитрий Кайнаров говорит с нами светло, грустно и мудро:

*«Мы с тобою – части Чуда.
Что ниспослано с Небес».*

Только настоящему поэту посылаются свыше Богодуховные слова:

*«Привычный выбор не всегда приемлем.
Особенно в тот краткий миг, когда
Ночной порой встает над Вифлеемом
Надежды одинокая звезда».*

Вера Попова

Диета души

Я сижу на диете,
Я живу осторожно,
А иначе, поверьте,
И пресытиться можно.

Те, кому доверяю
Я и тело и душу,
Мне теперь отмеряют –
Что читать, и что слушать.

Берегу свое время.
Сократив свои нужды,
Я живу по системе,
Я отринул, что чуждо.

Я соблазну не внемлю,
Мне не все интересно,
Я душою приемлю
Только то, что полезно.

Я не клюну на смуту,
В небе замков не строю.
Только вот почему-то
Я жирею душою.

* * *

Я уже устал от многоточий!
Восклицанья надоели мне...
Знаете, я днем пишу о ночи,
Ну а ночью я пишу о дне.

Все мы, что-то брякнув между прочим,
Возвращенья в будущее ждем.
Если бы не восклицанья ночью!
Если бы не многоточья днем...

* * *

Ах, до чего привык не успевать,
И, согласитесь, в этом мало проку,
Когда гаданье выполнил на «пять»,
Но только – что поделаешь – не к сроку.

Проснулся снова на исходе дня...
Беру билет на прошлогодний поезд...
Пропал мой друг – ушел, забыл меня,
А я о нем зачем-то беспокоюсь.

На мир гляжу юнцом... тридцатый год!
Опять ползу с душой не крепче студня
На колокольню праздновать восход,
А солнце опускается с полудня.

С досадой возвращаю рубль за грош,
Мол, за просрочку набежали пени.
Ты снова вверх по лестнице идешь,
Но вниз ведут скрипучие ступени.

* * *

Мне страшно за стихи садиться.
Да, я боюсь словесных мук.
Я знаю, будет стих глумиться,
И рифма вырвется из рук.

Мне страшно строчек, страшно точек,
Пугает радость, бесит грусть.
Боюсь, что буду я не точен,
И правду высказать боюсь.

К написанным стихам ревную,
Строфа сомнет меня опять.
И потому стихи пишу я,
Когда страшнее – не писать.

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ ПОСВЯЩАЕТ:

Дмитрию Медведеву

Сирень в окне

Сирень в окне, благоухая,
Вся в белой кипени цветет.
Как будто посредине рая
Она на радость всем живет.

И ароматы источая,
Роняя нежно лепестки,
Растет, души в тиши не чая,
Не зная горя и тоски.

Совсем не ведая, что в вазе
Вот-вот вся высохнет вода, -
Она завянет, и в экстазе
Не зацветет уж никогда.

Ну а пока, благоухая,
Она цветет в тиши ночной,
Как будто рая открывая
Для всех желанное окно.

Сергею Дмитриеву

* * *

Сереза, ты – как Аполлон,
Поешь, стихию покоряя,
И голос твой под небосклон
Взлетает, выси расширяя.

И мир становится светлей
От твоего живого пенья.
Наш вологодский соловей –
Неповторимое явленье!

Юным художникам

* * *

Художник юный, ты – как джинн,
А я держу в руках кувшин!
Кувшин изящный, но пустой,
И, к сожалению, худой:
Есть в стенке рваная дыра, –
Ему на мусорку пора!
А он на стол рабочий встал
И вот уже этюдом стал.
Его изъян закрасил цвет,
Служа искусству много лет.
Художник юный, ты, как джинн,
Вдруг взял и оживил кувшин!
Всегда ты должен так творить,
Чтобы другую жизнь дарить!

Валентину Шагинову

Две березки

К березке склонилась березка,
К плечу прижимая плечо.
И вспомнил, как был я подростком,
Страдал и любил горячо!

И ветви шумящей березы
Склоняются нежно к тебе!
Как будто все кончились грозы,
И счастье нашла ты в судьбе!

И словно запели вдруг скрипки,
И кончился разом мороз!
И всюду запели улыбки –
Твои и веселых берез!

ТАТЬЯНА РЖАННИКОВА

Дар

В муке струнной звенела душа музыканта. И, казалось, огромная комната, с множеством случайных предметов и совсем неслучайных людей, вбирала в себя каждую ноту, каждый выдох и вдох этой души. И, как благодарный слушатель, рождала в ответ свое молчаливое тепло.

А он пел и, наверное, был уже где-то далеко, в воздушных вихревых потоках, там, где возникает неслышная другим Высшая Мелодия.

И каждый слушающий внутри себя ощущал приобщенность к этому явлению, приближенность к некоей тайне...

Ноты голоса его то неспешно парили в замкнутом пространстве дома, сливаясь с тихим потрескиванием дров в камине, то весело и озорно прыгали по стеклам, переключаясь в дощатом настиле.

И в полумраке деревенской комнаты одна за другой проецировались картины звездного неба с целым морем неизведанных галактик, белыми спиральями уходящих в вечность, изображения печальных гор и долин, покрытых голубоватой дымкой, проплывали тени безвестных людей – гордых, диких, свободных и одиноких, их сменяли черные блики бездушных существ с костлявыми растопыренными пальцами, стремившихся поглотить светлые комки душ непримиримых, борющихся, любящих... Шла битва за вечное. И казалось, что все бывшее ранее, до Него, до его песен – так ненужно и скучно, что никому не хотелось даже помнить об этом. А просто жить происходящим, слышимым, вбирать в себя густую теплоту его души.

Временами становилось жутко от мысли, что рядом – пророк. Но, стоило лишь встретиться с его лучистым, озорным взглядом, как подобные мысли тут же улетучивались.

И так хотелось жить и радоваться каждой минуте, дарованной слушающим его песнями... И так хотелось продлить это сплоченное дружеское существование... И так страшно было узнать потом, что рядом с ними сидел предатель, все это время делавший вид человека озаренного Его песнями. Вор, скрывшийся прочь под покровом ночи, зажав в потных ладонях Его божественный инструмент.

Тьма поглотила иудин озирающийся нервно-угловатый, костлявый силуэт. Ночная дорога испепелила его предательски мечущийся след. Но потеря эта, как ни странно, сплотила проснувшихся поздним утром еще больше. Ведь мелодия-то досталась Вечности, а это значит, она жива, и всегда будет сопутствовать им.

А впереди так много всего...

ДЕБЮТ

ДАРИЯ БЕРЕЗИНА

(5-й класс 9-й школы г. Череповца)

Котенок

Ну и холод, ну и стужа –
Пробирает до костей!
Вдруг увидели котенка,
Ну, буквально всех мастей.

Он сидел, поджавши лапки,
И на нас с мольбой глядел.
Оставаться на морозе
Он, конечно, не хотел.

Мы домой котенка взяли,
Был он слабого слабей.
Хором Люською назвали
И оставили себе.

Отогрели, накормили,
Через месяц – не узнать!
Опушилась, разжирела,
Вот какая благодать!

Первый снег

Как-то раз в ночной тиши
Опушились камыши,
Стало очень хорошо –
Первый легкий снег пошел.

МЕНЯ МАРАЛИ КНУТОМ МОРАЛИ...

«Читая Эпанаева, нельзя отделаться от мысли, что...»

Н.В.Кузнецов

Странно, смешно и поучительно видеть поэтов, не принимающих реалии современной жизни. Преступность, коррупция, нищета большинства русских людей, незащищенность, падение культуры и морали – вот он современный оскал капитализма! Все понимают, что «это не есть гут». Иные борются. Получается это у них довольно плохо. В чем тут дело?

В методах. Авторы стараются изобличать и разоблачать. Иногда пишут утопию на тему «Как было бы хорошо...» В обоих случаях заблуждение заключается в том, что авторы (вполне искренне) считают, что все еще можно вернуть «как было». А так не бывает. История может идти только вперед. Поэтому обычно таких авторов называют моралистами и ретроградами. В лучшем случае (когда автор не столько морализирует и поучает, сколько ругает), прочитают и одобряют. Мол, крепко он их... Но не более того.

Нет, прошлого не вернуть. А что если быстрее идти вперед, освобождаясь от мерзости настоящего? Для этого надо обесценить это самое настоящее. Показать что весь этот мир с сериалами, курсами доллара, политической возней, эрзац-культурой и кухонными сплетнями – это балаган, давно всем надоевший. И не пора ли опустить занавес и вернуться к настоящей жизни? Что толку говорить о низком уровне культуры, морали, о социальной незащищенности, о преступности, коррупции и т.д. Что толку? Все дороги ведут в Рим. Даже если ты идешь из Рима, то все равно идешь по дороге ведущей в Рим. А вот если выбросить эпоху в помойку? Слабо? Выблевать ее куда-нибудь, чтобы не засоряла молодой организм! Еще Гоголь говорил, что черта можно победить только смехом. Поэтому в Средние века и изображали черта глупым существом с рогами, копытами и хвостом, а вовсе не «князем мира сего». Смешон – значит, не страшен. Поэзия Игоря Эпанаева строится на преодолении своей эпохи путем смеха над нею. В ней нет ярко выраженных социальных тем (разве что: «Скажи буржую, Что я бомжую», но это единичный случай). Нет в ней иронии, нет сатиры. Все эти жанры устарели и выглядят в наше время, как какое-нибудь шомпольное ружье, пригодное лишь для музея. Нет, не этим вооружен Эпанаев. В основе его творческого метода лежит доведение до абсурда болевых тем современности.

Прием, конечно, не новый. Это вроде вакцины, когда человек переболевает в легкой форме и получает иммунитет. Человек, читая Эпанаева, задает себе вопрос: о чем это стихотворение? И ответ находит далеко не единственный (если находит).

Например:

*Только вышла на перрон,
Сразу тронулся вагон –
Умственно отсталая,
От поезда отстала я!*

О чем это? О жизни. О чем же еще? Или:

*Ежик качает носом
Право ежиковедов.*

Какой ежик? Какие ежиковеды? Но в глубине души чувствуешь, что прав автор! А какие такие «ежиковеды» покажет сама жизнь, если уже не показала.

Такая вот странная поэзия. За счет чего она создается? За счет особого приема в проработке образов. Образ в стихотворении Эпанаева – всегда зрим и всегда нелеп. Его не нужно понимать. Его нужно представить.

*Я увидел каскадера
Сильного – пресильного.
Он разрушил ползабора
Длинного-предлинного.*

Представьте самую ситуацию, описанную в этих строках. Не спешите. Представьте ее во всех деталях. Каково? Или:

*У девчонок штаны
Цветом голубые
(Вернее раньше были).*

Представили. И ни слова о пошлости! Вы же сами это представили, а не Эпанаев написал!

У Эпанаева только про штаны...

Эпанаев ни над кем не смеется.

*Если б капля никотина
Не убила б Буратино
То Толстой его б не стал
Возводить на пьедестал.*

Это на полном серьезе. Стихотворение так и называется: «Версия».

Читая Эпанаева нельзя отделаться от мысли, что:

Представьте себе такую картину. Человек утром просыпается. Подходит к окну. И не видит... ничего. Абсолютно ничего. Представляется с трудом? Если он не сойдет с ума, то задумается над тем как жить дальше.

И что-нибудь придумает!

Н.В.Кузнецов

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА И.ЭПАНАЕВА «ЛИРИКА»

Любовь – любимым

Не хотим с любимыми мы,
А хотим с любимыми!

* * *

Я умею, ну а вы?
Прыгать выше головы!

* * *

Душа ранима –
Но пули мимо!

* * *

В 8.30 за вином
Мы ходили в гастроном.
А чуть позже гастроном
Сам приперся к нам с вином.

* * *

Я люблю тебя, Муму.
Но ни слова никому!

Ежик

Люди качают насосом
Шины велосипедов –
Ежик качает носом
Право ежиковедов.
Ежик по лестнице лезет
В домик – свое жилище.
Ежик зачем-то грезит.
Ежик чего-то ищет.

Разгадка

Мяч летит футбольный
Или волейбольный?
Ударяет больно –
Значит баскетбольный!

Упавшая Танина улыбка

Таня ткани покупала.
И купила, но упала.
Уронила ткань она.
Где улыбка Танина?

* * *

Самый умный эрудит
Ерунды не городит.

* * *

Мне всего тринадцать лет.
Почему же я скелет?

В Череповце

Я живу в Череповце...
(Многоочие в конце...)

ГЕЛЯ ВАНЬКОВА

Международный день Поэзии

был отмечен в Череповце 20 марта с 15 до 17.30 в конференц-зале Центральной библиотеки имени В.Верещагина.

Выступление исполнителя бардовской песни Сергея Дмитриева, которого хорошо знают и в Череповце, и в Вологде, вела Валерия Алексеевна Базлова, заведующая методическим кабинетом библиотеки.

Здесь, в преддверии Дня театра, который отмечается в последние выходные марта, собрались не только ближайшие друзья Дмитриева: член Союза художников России и международной ассоциации изобразительных искусств (при ЮНЕСКО) Евгений Мартышев и член Союза писателей России, поэт Александр Пошехонов, только что вернувшийся из Вологды с празднования Дня поэзии, где он представлял поэзию Череповца, Вологды и России.

Здесь же присутствовали представители театрального Череповца, ведь сценарий этого празднования не мог быть подготовлен и выполнен без их участия, тем более, что город готовится к празднования Дня театра, какой же театр без поэтов, бардов, танцовщиков.

Что же касается этих двух с половиной часов поэзии, то за это время участниками концерта было представлено много поэтов Череповца, Вологды, словом, Российских, начиная от Николая Кузнецова, бывшего строителя, а ныне председателя Череповецкого литературного объединения и кончая любезным сердцу Александром Сергеевичем, который был представлен коллекцией «карманных» (по размеру) пушкинских изданий, принадлежащей Сергею Дмитриеву – слесарю, профсоюзному богу, поэту, музыканту, человеку, с которым рядом тепло его друзьям.

АЛЕКСЕЙ АНИСИМОВ

Баян

«Такова, видимо, участь. Карма... Давили его, давили, в канавах валялся. А раньше?» – Баян томно потянулся и издал неопределенный звук. Смутившись фальшивого хрипа и неестественно застывших клавиш, он вернулся в реальность. Пыль, темнота и пустота внутри – «раньше» ее заполняли гармонично переливающиеся звуки: радостные и грустные, длинные и короткие, как поцелуй несовершеннолетних за углом кочегарки. «Раньше» играть было престижно – кавалеры с гармониками были нарасхват. Баянисты свысока озирали толпы товаров и выбирали самых-самых самок. По вечерам деревня пела, именно пела, а не содрогалась от омерзительных ритмов и темпов пятиаккордных фуруров-урбодетей постперестроечного периода. Дико. Пили, правда, больше. Но что пили! Наливки, брагу, первачок бабки Шуры и настойки на корешках там разных, ягодках. Баяну не наливали, но он был и без этого счастлив. Звуки ему твои, что спирт медицинский, переборы на нижних – красота.

ГДЕ ТЫ? «РАНЫШЕ»...

Баян утер слезу. Прогнал плохие мысли и, зажимая ремнем рваный бок, подобно гусенице, желающей как можно скорее обратиться бабочкой, пополз дальше.

В кювет заглянул случайный прохожий, лет этак 50-60-ти. Охнул, увидев ползущий Баян, огляделся по сторонам, поднял камушек и метко бросил, попав в наиболее уязвимое место – переходные лады среднего ряда. Баян тонко пискнул и застыл, ожидая неприятностей. Потянулась напряженная тишина...

«Великолепный баян, реликвия!» - подумал мужик.

«Где ты раньше был?» - подумал Баян.

АЛЕКСАНДР ПОШЕХОНОВ

Россия! Благословенная страна! Именно здесь в полной мере перед нами в свой час и срок проходит смена всех времен года, здесь мы счастливы наблюдать всю мудрость живого на Земле. Именно здесь так просто уверовать сердцу в беспредельность, в бесконечность земного пути, в тот Круг Бытия, что называем Бессмертием!

ВЕНИАМИН ГУМАРОВ

Лифт

Ох, мужики! И натерпелся же я недавно мучений в этом распроклятом городе! В кои то века приехал сюда из своей деревни, да лучше бы и не приезжать, думал, конец мне, хана. А все Нюрка, супружница моя непутевая. Говорит: «Съезди, Федя, навести мою сестреницу младшую, которая на двенадцатом этаже живет. На лифте накатаешься, на город с высоты птичьего полета полюбуешься». Ну, клюнул я на этот лифт, будь он неладен. Думаю, до сорока лет дожил, а что за хреновина – не знаю, потому как всю жизнь дальше центральной усадьбы не выезжал.

К тому же обидно: умру, а на этой загогулине так и не покатаюсь. Непорядок.

Вобщем, решил, поехал. Уж лучше бы я этого не делал!

В лифт в городе я сел с каким-то мужиком. Сначала все шло нормально, но потом эта хреновина словно взбесилась. Как заведенная, стала курсировать без остановок между первым и двенадцатым этажами и обратно.

Мужик говорит: «Заело что-то в электронике, так иногда бывает. Лишь бы свет не вырубил или трос не лопнул, а то грохнемся с высоты двенадцатого этажа вниз, и вспоминай как звали».

А тут еще баба какая-то по динамику полюбопытствовала – мол, две старушки тут катались, так на месте ли они?

Я кричу: «Нет, теперь мы тут катаемся!»

Скажу без хвастовства – человек я не робкого десятка, в драках в деревне не одному ухарю харю намылил, не убежал никогда, а тут, в этом склепе, струхнул. Отбросил свои котомки с гостинцами в сторону и завопил: «Люди! Сограждане дорогие! По-мо-ги-те!» Какая-то тетка услышала меня и посоветовала: «Ты, милоч, на все кнопки попеременно жми, может быть, где-нибудь и остановится». Это совсем доконало меня. Начал я тыкать негнушимися пальцами во все проклятые кнопки, а лифт, хоть бы что, ездит себе вверх, вниз да поскрипывает. Мужик, было, успокаивать меня бросился, за руки стал хватать, но с ним я разобрался быстро – звезданул раз промеж глаз, он и затих, бедолага.

Не помню сколько времени я катался на этой хреновине, уже и по нужде захотелось, и с родными мысленно попрощался, но судьба все же смилостивилась надо мной. На каком-то этаже

лифт затрясся, заскрежетал и остановился. Вместе с гостинцами и очухавшимся мужиком вывалился я в открывшиеся двери на площадку и, не заходя к сестренице жены, рванул на вокзал. Только в своей деревне и отдышался. С тех пор из родных мест ни ногой. Вот ведь, мужики, какая загогулина приключилась со мной в городе!

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

Странный парень

Жил в хлеву коровьем,
Спал в корму овечьем –
Хвастался здоровьем,
Думая о вечном!
Был крутым, богатым!
Золото, машины –
Но пошел в солдаты,
Вот удел мужчины!
Был спортивным, гибким,
На Брюс Ли похожим –
Отвечал улыбкой
На удар по роже!
Море голых девок,
Все за мной стадами –
Мне какое дело?
Честь храню годами!
Вот такой я парень,
Вот такие строки –
Очень популярен,
А на вас мне пофиг!
Напечатать б это
Где-нибудь в журнале –
Что меня – поэта
Все зауважали!

От редакции: Ну что, Гоша, вот напечатали.
Типа, теперь все зауважали?

Окраина. Издание Череповецкого городского литературного объединения №10, Череповец, 2004

Редакционная коллегия:

Кузнецов Н.В. – главный редактор, технический редактор;

Эпанаев И.В. – заместитель главного редактора;

Данилова Е.В. – художественный редактор;

Констанская Г.В. – редактор информационного отдела;

Кузнецов Н.А. – редактор исторического отдела;

Родина А.Б. – редактор тематического отдела;

Кузнецов А.В. – зам.технического редактора.

Тираж: 200 экз.

Производство поэтических сборников по приемлемым ценам, портрет на заказ (графика), батик, интерьерная, декоративная живопись, рисунки.

24-24-66 (Данилова Елена)

